

УДК 82-32

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В
РАССКАЗЕ Ф. К. СОЛОГУБА «ИВАН ИВАНЫЧ»**

С.П. Ошейко

*Новосибирский государственный национальный исследовательский университет
Россия, bealch@yandex.ru*

В статье рассматриваются функции натуралистического дискурса в рассказе Ф. К. Сологуба «Иван Иванович». Анализ мотивов сопровождающих экспликацию натуралистического дискурса, а также особенности авторской точки зрения позволяют говорить о присутствии двух вариантов натуралистического дискурса в указанном произведении. Однако «грубый» натурализм и кваизидиллика несмотря на внешние различия, играют одинаковую роль в экспликации духовной нищеты героя, тем самым подчеркивая антропологический пессимизм Ф. К. Сологуба, в контексте полемики с литературной традицией 1880-90-ых гг.

Ключевые слова: Ф. К. Сологуб, натурализм; дискурс; традиция, мотив, нарратив.

Рост авторитета естественных наук в Российской империи во многом был обусловлен конструированием визуальных и литературных нарративов, которые позволяли изобразить «жизнь такой какая она есть», отвечали духу Эпохи Великих Реформ и манифестировали этические и гносеологические задачи демократической интеллигенции. В то же время активное проникновение медицинского дискурса в литературу инспирировало обилие криминальных сюжетов. Изображение самоубийств, загадочных преступлений и насильственных смертей стало визит-

ной карточкой желтой прессы. Однако содержание многочисленных «сенсационных статей», а также лишенная каких-либо эпистемологических и этических задач манера изображения человека декретировали возможность исчерпывающе объяснить мир посредством естественных наук [2].

Указанные факторы во многом повлияли на формирование отношения читающей публики к французскому натурализму, определяя характер инкорпорации натурализма в отечественной литературе рубежа веков. С одной стороны, натурализм был неразрывно связан с фактографичностью и объективным изображением действительности, выступая отличительной чертой писателей второго и третьего ряда. При этом критики рубежа веков акцентировали внимание жестокости и эротизме произведений, созданных по законам натурализма [4]. Однако жестокость, эротизм, усиленный интерес к душевным болезням и расстройствам восприятия также выступали неотъемлемым атрибутом литературы рубежа веков [Smith 649–650], выполняя соответствующие эстетические и идеологические задачи, а также манифестируя разрыв с реалистической традицией и поиск выхода из «безвременья» 1880–90-ых гг. Полемика с реалистической традицией обнаруживается не только в эстетических манифестах, но и в реинтерпретации типов, характерных для натуралистической прозы, а также в атрибуции натуралистическому изображению смысловых доминант, манифестирующих тезисы нового искусства.

Указанные тенденции составляют неотъемлемую часть малой прозы Ф. К. Сологуба. Роль натуралистических элементов в манифестации семантики пространства и определении отношений между героем и окружающим миром выступает на первый план в рассказах «Самый тёмный день», «Звериный быт», «Смерть по объявлению», «Конный стражник», «Голодный блеск», «В толпе». Однако в интересующем нас рассказе «Иван Иванович» натуралистический метод оказывается сюжетогенной доминантой и способствует актуализации полемики с литературной традицией, обнаруживая тем самым максимальный семантический потенциал.

Экспликация натуралистических тенденций в рассказе непосредственно соответствует авторской художественной задаче и может быть проанализирована в контексте 3-ех сюжетобразующих эпизодов: жизнь Ивана Ивановича на старой квартире, новая обстановка, женитьба и счастливый брак.

Жизнь Ивана Ивановича являет собой череду унылых, однообразных дней. Герой испытывает непонятную тоску, с которой ни в состоянии справиться ни обеды с друзьями, ни мимолетные интрижки, ни «кипучая деятельность». «Потом – пустыня вечера, которую надобно чем-нибудь наполнить. В гости, – карты, флирт, вино, болтовня. В театр, – фарс, оперетка. Потом опять ресторан. Попойка. Случайные женщины, крикливые и жадные. С ними поездки в какие-то притоны, то шикарные и дорогие, то попроще и подешевле. Но всегда одинаково противные и насквозь гнусные. Напряженная, шумная веселость, а на дне души – липкая, тусклая, вечная скука. И никуда от нее не уйти» [5, с. 558]. Перечисление однообразных занятий манифестирует бессмысленность существования героя, а его внешний вид вызывает опасения даже у «бывалых» чиновников. «Жизнь Ивана Ивановича проходила скучно и однообразно. Видя это, его случайные приятели порою говорили ему за откровенною бутылкою вина или за бесцеремонною парюю пива где-нибудь в шумном, тесном ресторанчике, облюбованном служащими в разных казенных и частных учреждениях, - чиновниками, бухгалтерами, приказчиками: – Хороший ты человек, Иван Иванович, а живешь не по-людски. Не живешь, а кис-

нешь, точно мертвый» [5, с. 557]. Описания нечистоты, затхлости, удушья «кислятины», а также, являющееся одним из ключевых приемов натурализма олицетворение психологического переживания эксплицитно актуализируют натуралистический дискурс и постулируют связь указанных пространственных характеристик с топосом смерти, находя непосредственное отражение в психосоматическом состоянии героя [1, с. 257–261; 3]. Холодное и неудобное жилище героя также обнаруживает глубинное сематическое соответствие с топосом дешевого ресторанчика через обилие натуралистических элементов. «Самовара пока дозвонишься. Посуда сборная. Скатерть в пятнах. Пьет Иван Иванович, а в комнате еще ночной беспорядок. <...> Только дома у него грязно. Ни принять кого, ни угостить» [5, с. 558]. Ситуация становится лучше после повышения. Иван Иванович переезжает на новую квартиру и обставляет ее по своему усмотрению. Иван Иванович перестает обедать в ресторанчиках и нанимает кухарку. Однако указанные «новшества» органично вписываются в поэтику натурализма. Вещи, приобретенные Иваном Ивановичем, манифестируют отсутствие эстетического критерия и подчеркивают тривиальность героя, оправданную формулой «как у всех, так и у меня». В то же время сам прием описания новой обстановки манифестирует актуализацию традиции натуралистической литературы. Достаточно вспомнить многочисленные из произведений Э. Золя и Г. де Мопассана, не говоря уже об эволюции указанного топоса на русской почве, нашедшего свое отражение в прозе П. Д. Боборыкина, Г. И. Успенского, Д. Н. Мамина-Сибиряка. «На полу в кабинете Иван Иванович ковер разостлал. На стену в гостиной повесить купил гравюр и фотографий и заказал к ним красивые рамочки, – все вроде тех гравюр, фотографий и рамок, которые видел он у своих семейных знакомых. Провел электрическое освещение. В кабинете на столе Иван Иванович телефон поставил. Как же, нельзя без телефона! У всех есть. Чуть что, сейчас позвонишь <...>» [Там же, с. 559]. Несмотря на отсутствие отталкивающих деталей продолжение рассказа в натуралистическом ключе способствует экспликации духовной нищеты героя, обнаруживая замкнутость его интересов в сфере вопросов быта.

Мнимая редукция натуралистической поэтики обнаруживает себя в замыкающих рассказ эпизодах сватовства и последующей семейной жизни Ивана Ивановича. Знаменательно, что в отличие от развернутых натуралистических повествований, включающих в себя знакомство, период ухаживания и обязательные интимные сцены Ф. К. Сологуб редуцирует описание отношений Марьи Ивановны и Ивана Ивановича до нескольких абзацев. При этом на первый план выступает авторская ирония, сопровождаемая травестией устойчивых нарративных моделей.

Портрет «воскресшего» Ивана Ивановича манифестирует неотвратимую духовную смерть героя через тотальное погружение в стихию быта. Вместе с тем, особенно интересно, что идущий на спад на протяжении эпизода с новой квартирой натуралистический дискурс уступает место квазиидиллическому, демонстрируя максимальную актуализацию авторской иронии. «Хорошо теперь живется Ивану Ивановичу! Уже он не засиживается по кабачкам и по ресторанам <...> Лицо у Ивана Ивановича румяное и веселое. Глаза его поблескивают. Брюшко приятно округляется. Жизнь его наполнена и успокоена. Уж он не кажется сам себе мертвым, как некогда прежде. Иван Иванович счастлив, Иван Иванович воскрес» [Там же, с. 562].

Итак, особенности функционирования натуралистического дискурса в рассказе Ф. К. Сологуба «Иван Иванович» наиболее полно манифестированы через кон-

траст завязки и развязки. Экспликация «грубого» натурализма подчеркивает негативное воздействие бытовых условий на психосоматическое состояние героя. По мере развития сюжета «грубый» натурализм уступает место квазиидиллике, презентующей внутреннюю нищету героя, что позволяет говорить об экспликации антропологического пессимизма и негативном отношении автора не столько среде сформировавшей Ивана Ивановича, сколько к основам современной цивилизации, обуславливающим бездуховность жизни человека рубежа веков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карасев, Л. В. Достоевский и Чехов: неочевидные смысловые структуры / Л. В. Карасев. – М.: ЯСК, 2016. – 334 с (Studia philologica).
2. Паперно, И. Самоубийство как культурный институт / И. Паперно. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 256 с.
3. Проваторова, О. Н. "Остров Сахалин" А. П. Чехова – "дума художника и человека о своем времени" / О. Н. Проваторова // Вестник Оренбургского государственного университета – 2017. – № 1. – С. 108–112.
4. Проваторова, О. Н. Натуралистические тенденции в повествовательном творчестве А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01 / Проваторова Ольга Николаевна; Сам. Гос. Ун-т. – Самара, 2008. – 19 с.
5. Сологуб, Ф. К. Собрание сочинений : в 6 т. /редкол.: Т. Ф. Прокопов (гл. ред.) [и др.] – М. : НПЦ «Интелвак», 2001 –2006. – Т. 3: Слаще яда. Роман. Рассказы. / Т. Ф. Прокопов, [и др.] ; отв. Ред. Т. Ф. Прокопов, С. Л. Соложенкина – 2001. – 736 с.
6. Concepts of Decadence in Nineteenth-Century French Literature / J. M. Smith //Studies in Philology. – 1953 – Vol. 50, No. 4. – P. 640–651.

ON THE FUNCTIONS OF NATURALISTIC DISCOURSE IN F. K. SOLOGUB'S STORY "IVAN IVANYCH"

S.P. Osheyko

*Novosibirsk State National Research University
Russian Federation, bealch@yandex.ru*

This article examines the functions of naturalistic discourse in F. K. Sologub's story "Ivan Ivanovich." An analysis of the motifs accompanying the explication of naturalistic discourse, as well as the author's perspective, suggests the presence of two variants of naturalistic discourse in this work. However, despite their apparent differences, "crude" naturalism and quasi-idyllicity play an equal role in the explication of the protagonist's spiritual poverty, thereby emphasizing F. K. Sologub's anthropological pessimism in the context of his polemics with the literary tradition of the 1880s-90s. gg.

Keywords: F. K. Sologub, naturalism; discourse; tradition, motif, narrative.